

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.1:314.72+331.55

Внутренняя мобильность населения и урбанизация Китая в свете проблемы устойчивого развития территорий

Алаи Еэрлань¹, Елена Борисовна Бедрина²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹ aray.yerlan@inbox.ru

² Bedrina1967@mail.ru

Аннотация. Система регистрации населения по месту его постоянного проживания, принятая в Китае, долгое время сдерживала миграцию сельского населения в города, являющиеся драйверами устойчивого экономического роста. В результате возникла ярко выраженная несбалансированность уровня экономического развития китайских регионов и феномен «плавающего» населения. В настоящее время идет постепенный процесс реформирования данной системы в направлении снятия ограничений на мобильность населения. В связи с этим исследовательской проблемой является поиск взаимосвязи между внутренней мобильностью населения Китая и урбанизацией для выявления потенциала устойчивого развития территорий. На основе данных седьмой национальной переписи населения Китая проведена сравнительная оценка мобильности населения китайских регионов, выявлены факторы миграции населения и ее социально-экономические последствия. Анализ проведен по 31 административной единице провинциального уровня (без Гонконга, Тайваня и Макао). Сделаны выводы о росте мобильности населения, наличии значительного потенциала для роста городов и устойчивого развития территорий, важности снятия ограничений на мобильность населения и создания условий для роста экономической активности в регионах исхода трудовых мигрантов.

Ключевые слова: мобильное население, внутренняя миграция, система «Хукоу», «плавающее» население, урбанизация, устойчивое развитие, региональное неравенство, социально-экономические проблемы, регионы Китая, административные единицы Китая провинциального уровня

Основные положения:

♦ в Китае создана и на протяжении длительного времени функционирует система регистрации населения, которая служит важным инструментом контроля и регулирования внутренней миграции населения, а также сдерживает его мобильность и тем самым замедляет процессы урбанизации;

♦ урбанизация усиливается с повышением мобильности населения и является важным условием устойчивого развития территорий;

♦ современная система регистрации населения, действующая в Китае, ведет к росту неравенства территорий и неэффективному распределению ресурсов. В связи с этим делается вывод о возможности и необходимости упразднения действующей системы регистрации населения и одновременного создания условий для развития территорий – доноров трудовых ресурсов.

Для цитирования: Алаи Еэрлань, Бедрина Е.Б. Внутренняя мобильность населения и урбанизация Китая в свете проблемы устойчивого развития территорий // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 6 (248). С. 17–28.

© Алаи Еэрлань, Бедрина Е.Б., 2025

Original article

Internal mobility of the population and urbanization of China in the light of the problem of sustainable development of territories

Alai Eerlan¹, Elena B. Bedrina²

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹ aray.yerlan@inbox.ru

² Bedrina1967@mail.ru

Abstract. The system of population registration at the place of permanent residence adopted in China has for a long time restrained the migration of rural population to cities, which are the drivers of sustainable economic growth. As a result, a pronounced imbalance in the level of economic development of Chinese regions and the phenomenon of "floating population" emerged. At present, there is a gradual process of reforming this system in the direction of removing restrictions on population mobility. Therefore, the research problem is to find a relationship between China's internal population mobility and urbanization to identify the potential of sustainable development of territories. Based on the data of the seventh national census of China, a comparative assessment of population mobility in Chinese regions was carried out, and the factors of population migration and its socio-economic consequences were identified. The analysis was carried out for 31 provincial-level administrative units (without Hong Kong, Taiwan and Macao). The conclusions are drawn about the growth of population mobility, the presence of significant potential for urban growth and sustainable development of territories, and the importance of removing restrictions on population mobility and creating conditions for the growth of economic activity in the regions of outflow of labor migrants.

Keywords: mobile population, internal migration, Hukou system, "floating population", urbanization, sustainable development, regional inequality, socio-economic problems, China's regions, China's provincial-level administrative units

Highlights:

- ♦ China has established and has been operating a population registration system for a long time, which serves as an important tool for monitoring and regulating internal migration of the population, as well as restraining its mobility and thereby slowing down the processes of urbanization;
- ♦ urbanization increases with increasing mobility of the population and is an important condition for the sustainable development of territories;
- ♦ the modern population registration system in China leads to increased territorial inequality and inefficient allocation of resources; in this regard, it is concluded that it is possible and necessary to abolish the current system of population registration and at the same time create conditions for the development of territories that are donors of labor resources.

For citation: Alai Eerlan, Bedrina E.B. Internal mobility of the population and urbanization of China in the light of the problem of sustainable development of territories // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 6 (248). Pp. 17–28. (In Russ.).

Введение

В последние годы в Китае молодые люди, говоря о себе, близких родственниках или знакомых, часто произносят такую фразу: «Поехал в Пей Шан Гуан». Пей Шан Гуан – это сокращение названий китайских городов, расположен-

ных в восточной части Китая: Пекин, Шанхай и Гуанчжоу (провинция Гуандун). Эти города являются символами быстрого экономического роста Китая и аккумулируют значительные миграционные потоки, большую долю которых занимает внутренняя миграция населения.

В своем исследовании Линь Маа и Ян Тан показали, что все города вне зависимости от их размера выигрывают от миграции населения. При этом крупные города сталкиваются с перегрузкой транспортной сети и т.п., в то время как менее крупные города в меньшей степени подвержены негативным эффектам от миграции [1]. Ду Сяоминь и Чэнь Цзяньбао оценили влияние внутренней миграции населения на отдающие и принимающие территории Китая и пришли к выводу, что отрицательный эффект оттока населения незначителен, в то время как приток населения создает значительный положительный эффект для экономики страны [2]. Ван Чжунюань, проанализировав китайскую миграцию, сделал вывод, что увеличение численности мигрантов в Китае на 1% ведет к повышению регионального ВВП на 0,54% [3].

Государство в Китае активно вмешивается в миграционные процессы. Важную роль в системе регулирования и контроля внутренней миграции населения играет система регистрации по месту жительства, которая называется «Хукоу». Эта система была введена в 1958 г. на основании постановления Положений о регистрации домохозяйств Китайской Народной Республики. Она подразумевает наличие городской прописки для жителей городов и сельской – для жителей деревень, а также предусматривает строгие правила и требования к изменению статуса проживания, наделяя жителей деревень и городов различными социально-экономическими правами и возможностями, включая доступ к здравоохранению, социальным пособиям, пенсионному обеспечению, образованию, городскому жилью и сельскохозяйственным угодьям [4]. При этом сельские жители имеют меньший доступ к социальным благам, а значит, оказываются в худшем положении, чем горожане.

Система «Хукоу» долгое время использовалась для ограничения мобильности населения, его переезда из села в город и из малых городов в крупные, сдерживая процессы урбанизации. Благодаря рыночным реформам и политике «открытых дверей», которые Китай начал реализовывать с 1978 г., система «Хукоу» претерпела значительные изменения и произошло снижение барьеров на пути мобильности

населения Китая. В середине 80-х гг. XX в. государство даже стимулировало отток населения из бедных центральных и западных территорий в восточные города. Так, в 1984 г. фермерам разрешили прописываться в торговых городах. В 2003 г. сняли ограничение на получение вида на жительство в городах высококвалифицированным работникам [5, с. 415–416]. Позже муниципалитеты наделили правами, которые позволили им самостоятельно решать вопрос о перерегистрации граждан либо отказывать им в этом. Некоторые муниципалитеты ввели политику привлечения талантов через систему регистрации, предоставление субсидий на жилье, поддержку предпринимательства и т.п.

В результате изменения в системе «Хукоу» вылились в массовое перемещение населения из сел и сельскохозяйственного производства в городской несельскохозяйственный сектор [6], что способствовало бурному росту китайских городов. Исследователи называют современную китайскую внутреннюю миграцию самой масштабной за всю историю современной цивилизации в мирное время [7, с. 18].

Однако последствия изменений в системе регистрации населения не до конца изучены. Актуальным вопросом является рост мобильности населения в условиях частичного сохранения системы «Хукоу». В связи с этим определена цель исследования – поиск взаимосвязи между внутренней мобильностью населения Китая и урбанизацией для выявления перспектив устойчивого развития, поставлены задачи рассмотреть процессы урбанизации и ее факторы, провести сравнительный анализ мобильности населения в регионах, выявить факторы мобильности населения и социально-экономические проблемы, возникающие в результате введенных ограничений, оценить перспективы устойчивого развития территорий. Предметом исследования выступает мобильность населения в административных единицах Китая провинциального уровня.

Методы

Основным методом исследования является сравнительный анализ региональной мобильности населения в регионах Китая. В соответствии с особенностями китайской стати-

стики к постоянному населению отнесены лица, постоянно проживающие в месте своей регистрации, а также те, кто проживает на территории без регистрации более чем полгода, и те, кто отсутствует в месте своей регистрации менее чем полгода или находится на работе или учебе за рубежом [8]. К мобильному населению относятся лица, которые переехали или регулярно переезжают в другой регион для работы, учебы и т.п., к «плавающему» населению – лица, которые относятся к мобильному населению, но не имеют постоянной регистрации в местах пребывания, что может быть связано с ограничениями или нежеланием сельских жителей изменить свой статус в системе «Хукоу», чтобы не потерять свое право на земельный участок [9].

Таким образом, в связи с разным статусом мобильного населения Китая мы использует подход Ду Сяоминь и Чэнь Цзяньбао [10, с. 78], разделив мобильное население на тех, кто в процессе своей миграции изменил прописку, а значит, и статус, и на «плавающее» население, т.е. тех, кто по каким-то причинам не смог или не захотел этого сделать. Важность такого разделения связана с разницей в социальном статусе и, соответственно, в правах.

Мобильность населения рассматривается в 31 административном образовании Китая, включающем 22 провинции, 4 города центрального подчинения, 5 автономных районов. При этом провинция Тайвань и 2 специальных административных района – Гонконг и Макао – не включены в исследование из-за различий в официальной статистике.

Для проведения сравнительного анализа административные единицы провинциального уровня в соответствии с устоявшимся в Китае подходом разделены на 4 региона: восточный, центральный, западный и северо-восточный. К восточному региону отнесены 7 провинций и 3 города – Пекин, Шанхай, Тяньзинь; к центральному – 6 провинций; к западному – 6 провинций, 5 автономных районов и город Чунцин; к северо-восточному – 3 провинции. В дополнение к сравнительному анализу исследование включает корреляционный анализ для оценки зависимости между уровнем располагаемого дохода на душу населения и его мобильностью.

Для оценки мобильности населения используются данные последней переписи населения, проводимой в Китае в 2020 г. Источниками эмпирической информации служат сайты правительства Китая и национальной статистики.

Результаты

Урбанизация выступает важным этапом на пути устойчивого развития национальной экономики и сопровождается ростом внутренней мобильности населения, благодаря которой в 2008 г. доля городского населения планеты превысила долю сельского. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в настоящее время городские районы обеспечивают 70% мирового валового внутреннего продукта и тем самым создают условия для экономического роста и процветания [11].

В Китае система «Хукоу», с одной стороны, позволяла правительству контролировать процессы урбанизации, с другой – сдерживала их. Таким образом, доля городского населения превысила долю сельского только в 2011 г., однако по мере снятия различных ограничений в системе «Хукоу» темпы урбанизации росли, и к настоящему времени доля городского населения стала значительной – более 66%, в то время как в мире, согласно данным Всемирного банка, – всего 57%.

На основе данных пяти переписей населения и 2023 г. рассмотрим динамику уровня урбанизации населения Китая (табл. 1).

Как видно из табл. 1, современный Китай имеет высокие темпы урбанизации, опирающейся на значительную мобильность населения, которое, как отмечают исследователи, концентрируется преимущественно в городах [12]. В настоящее время каждый четвертый житель Китая относится к мобильному населению, при этом каждый шестой – к «плавающему» [9].

Миграционные процессы в Китае имеют географическую специфику, а процессы урбанизации идут крайне неравномерно. Так, Восточный регион является основным реципиентом трудовых ресурсов. Особенно быстрый прирост населения в регионе начался после 2000 г. за счет внутренней миграции [13]. Со-

Таблица 1

Показатели численности населения, урбанизации и мобильности населения в Китае*

Показатели	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2023 г.
Численность населения, тыс. чел.	1 008 180	1 133 680	1 265 830	1 339 720	1 411 770	1 409 670
Численность городского населения, тыс. чел.	210 820	2 997 100	458 440	665 570	901 990	932 630
Доля городского населения, %	20,9	26,5	36,2	49,7	63,9	66,2
Доля мигрантов, %	0,6	1,9	9,5	14,1	16,5	26,8

* Составлено по: 人口普查人口基本情况 来源: 国家统计局. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0305&sj=2023>; 人口大国向人力资源强国转变 人口高质量发展取得成效—新中国75年经济社会发展成就系列报告之十五 / 国家统计局. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202409/t20240920_1956588.html (дата обращения: 20.11.2024).

Таблица 2

Миграция населения в Восточном регионе Китая в 2020 году*

№ п/п	Название провинций, городов	Численность постоянного населения, тыс. чел.	Прибывшие из других провинций, городов		Выбывшие в другие провинции, города		Сальдо миграции	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Пекин	21 893	8418	38,5	470	2,1	7948	36,3
2	Тяньцзинь	13 866	3535	25,5	799	5,8	2736	19,7
3	Хэбэй	74 610	3155	4,2	5480	7,3	-2325	- 3,1
4	Шанхай	24 871	10 480	42,1	384	1,5	10 096	40,6
5	Цзянсу	84 748	10 309	12,2	4352	5,1	5957	7,0
6	Чжэцзян	64 568	16 186	25,1	2362	3,7	13 824	21,4
7	Фуцзянь	41 540	4890	11,8	2614	6,3	2276	5,5
8	Шаньдун	101 527	4129	4,1	4259	4,2	-130	- 0,1
9	Гуандун	126 013	29 622	23,5	1687	1,3	27 935	22,2
10	Хайнань	10 081	1088	10,8	423	4,2	665	6,6
	Всего	563 717	91 812	16,3	22 830	4,0	68 982	12,2

* Составлено по: 凯风 活久见! 超大特大城市, 又开始“空城” 清华大学出版社: 国民经略2024年12月02日. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/tkBxRMHAIHMYtcEVawXBtQ> (дата обращения: 10.12.2024).

гласно данным седьмой национальной переписи населения, в 2020 г. численность населения Восточного региона увеличилась на 68 млн 982 тыс. человек, или на 16,3%. При этом все провинции (города) Восточного региона, за исключением двух провинций – Хэбэй и Шаньдун, в силу географического положения делящихся своими трудовыми ресурсами с Пекином, имели в 2020 г. положительное сальдо миграции (табл. 2).

Как видно из табл. 3, все провинции Центрального региона являются донорами трудовых ресурсов преимущественно Восточного региона. К примеру, население провинции Ханан в силу близкого расположения к столице ездит на заработки в Пекин. В целом в резуль-

тате оттока населения в 2020 г. его общая численность в регионе сократилась на 11,1%.

Несмотря на то, что Китай активно проводит «Политику развития Запада», реализуя в Западном регионе большое количество проектов и привлекая в него инвестиции и таланты, в 2020 г. все территории Западного региона, кроме трех автономных областей (Тибет, Нинся и Синьцзян (Синьцзян-Уйгурский автономный район), имели отрицательное сальдо внутренней миграции.

С целью сдерживания оттока населения местные власти самостоятельно определяют условия регистрации. Так, в провинции Гуйчжоу, имеющей самый высокий отток населения, городской «Хукоу» предоставляется груп-

Таблица 3

Миграция населения в Центральном регионе в 2020 г.*

№ п/п	Название провинций	Численность постоянного населения, тыс. чел.	Прибывшие из других провинций, городов		Выбывшие в другие провинции, города		Сальдо миграции	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Шаньси	34 916	1621	4,6	1985	5,7	-365	-0,1
2	Аньхой	61 027	1551	2,5	11 521	18,9	-9970	-16,3
3	Цзянси	45 189	1279	2,8	6340	14,0	-5061	-11,2
4	Хэнань	99 366	1274	1,3	16 101	16,2	-14 827	-14,9
5	Хубэй	57 753	2250	3,9	5986	10,4	-3736	-6,5
6	Хунань	66 445	1578	2,4	8041	12,1	-6464	-9,7
	Всего	364 696	9555	2,6	49 974	13,7	-40 423	-11,1

* Составлено по: 凯风 活久见！超大特大城市，又开始“空城” 清华大学出版社：国民经略2024 年 12 月 02 日. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/tkBxRMHAIHMYtcEVawXBtQ> (дата обращения: 10.12.2024).

Таблица 4

Миграция населения в Западном регионе в 2020 г.*

№ п/п	Название провинций, автономных районов, городов	Численность постоянного населения, тыс. чел.	Прибывшие из других провинций, городов		Выбывшие в другие провинции, города		Сальдо миграции	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Внутренняя Монголия	24 049	1686	7,0	1778	7,4	-91	-0,4
2	Гуанси	50 127	1359	2,7	8109	16,2	-6750	-13,5
3	Чунцин	32 054	2194	6,8	4176	13,0	-1983	-6,2
4	Сычуань	83 675	2590	3,1	10 358	12,4	-7768	-9,3
5	Гуйчжоу	38 562	1147	3,0	8455	21,9	-7308	-19,0
6	Юньнань	47 209	2230	4,7	2962	6,3	-731	-1,5
7	Тибет	3648	407	11,2	138	3,8	270	7,4
8	Шэньси	39 529	1934	4,9	2988	7,6	-1054	-2,7
9	Ганьсу	25 020	766	3,1	3448	13,8	-2683	-10,7
10	Цинхай	5924	417	7,0	431	7,3	-14	-0,2
11	Нинся	7203	675	9,4	366	5,1	309	4,3
12	Синьцзян	25 852	3391	13,1	603	2,3	2787	10,6
	Всего	382 852	18 796	4,9	43 812	11,4	-25 016	-6,5

* Составлено по: 凯风 活久见！超大特大城市，又开始“空城” 清华大学出版社：国民经略2024 年 12 月 02 日. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/tkBxRMHAIHMYtcEVawXBtQ> (дата обращения: 10.12.2024).

пам мигрантов, которые удовлетворяют требованиям к уровню дохода и месту жительства [14]. Однако в целом в 2020 г. в регионе в результате внутренней миграции общая численность населения сократилась на 6,5% (табл. 4).

Сельскохозяйственные провинции Северо-Восточного региона Хэйлунцзян и Цзилинь испытывают отток населения. Причем наибольший отток населения происходит с приграничных территорий [15]. Провинция Ляонин, расположенная в Маньчжурии, в 2020 г. имела прирост населения за счет ми-

грации. Однако в целом в данном регионе в результате внутренней миграции также произошло сокращение численности населения (табл. 5).

В современных условиях мобильное население Китая продолжает стремительно расти. Так, по данным последней переписи населения, в 2020 г. около 125 млн человек покинули свои родные места в поисках лучшей жизни в крупных городах.

Среди мобильного населения много женщин и молодых людей, особенно в возрасте от

Таблица 5

Миграция населения в Северо-Восточном регионе в 2020 г.*

№ п/п	Название провинций	Численность постоянного населения, тыс. чел.	Прибывшие из других провинций, городов		Выбывшие в другие провинции, города		Сальдо миграции	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1	Ляонин	42 591	2847	6,2	1874	4,4	973	2,3
2	Цзилинь	24 073	1001	4,2	244	1,0	-1412	-5,9
3	Хэйлунцзян	31 850	829	2,6	3932	12,3	-3103	-9,7
	Всего	98 514	4677	4,7	6050	6,1	-3542	-3,6

* Составлено по: 凯风 活久见! 超大特大城市, 又开始“空城” 清华大学出版社: 国民经略2024年 12月02日. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/tkBxrMNAHMYtcEVawXBtQ> (дата обращения: 10.12.2024).

18 до 35 лет [12, с. 3], которые активно ищут более перспективные варианты трудоустройства в крупных городах [16]. При этом женатое население и лица среднего возраста, а также лица с высоким уровнем образования проявляют большую склонность к оседлой жизни [17].

Высокая мобильность населения Китая связана, с одной стороны, с разницей в доступности социальных благ в системе «Хукоу», с другой – с неравномерностью экономического развития территорий и значительной разницей в доходах населения. Так, располагаемый доход на душу населения в 2020 г. был в городе Пекине (Восточный регион) почти в 3,5 раза выше, чем в провинции Цинхай (Западный регион).

В рамках проведенного анализа в программе Excel была произведена оценка линейной зависимости между показателями располагаемого дохода на душу населения и уровнем миграции за 2020 г. с использованием коэффициента корреляции Пирсона по 31 административной единице провинциального уровня:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}},$$

где r – коэффициент корреляции Пирсона;

y – численность мобильного населения;

$\bar{y}$ – среднее значение численности мобильного населения в административных единицах провинциального уровня;

x – располагаемый доход на душу населения в административных единицах провинциального уровня;

$\bar{x}$ – среднее значение располагаемого дохода на душу населения в административных единицах провинциального уровня;

n – количество административных единиц провинциального уровня.

Уровень корреляции между уровнем располагаемого дохода на душу населения и мобильностью населения оказался достаточно высоким ($r = 0,6$).

Как видно из рисунка, в городах и провинциях Китая с более высокими доходами, как правило, наблюдается более высокий чистый приток населения, в то время как территории с более низкими доходами сталкиваются с чистым оттоком населения. Причем, по мере роста располагаемого дохода на душу населения наблюдается тенденция к увеличению чистой миграции в города. Это свидетельствует о важности экономических факторов в вопросах миграции.

Благодаря выгодному географическому положению, развитию портовой и туристической инфраструктуры, историческим связям, высокой экономической активности бизнеса и государственной поддержке Восточный регион привлекает большое количество инвестиций и выступает реципиентом для 74% мобильного населения страны. Экономическая система региона является диверсифицированной и представлена промышленными, энергетическими, логистическими, информационными, финансовыми, коммерческими и прочими предприятиями, что создает больше возможностей для трудоустройства населения. Его города, такие как Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, предлагающие более высокую заработную плату, лучшие условия труда и более разветвленную систему образования, чем другие территории Китая, стали важными двигателями устойчивого экономического роста страны. В

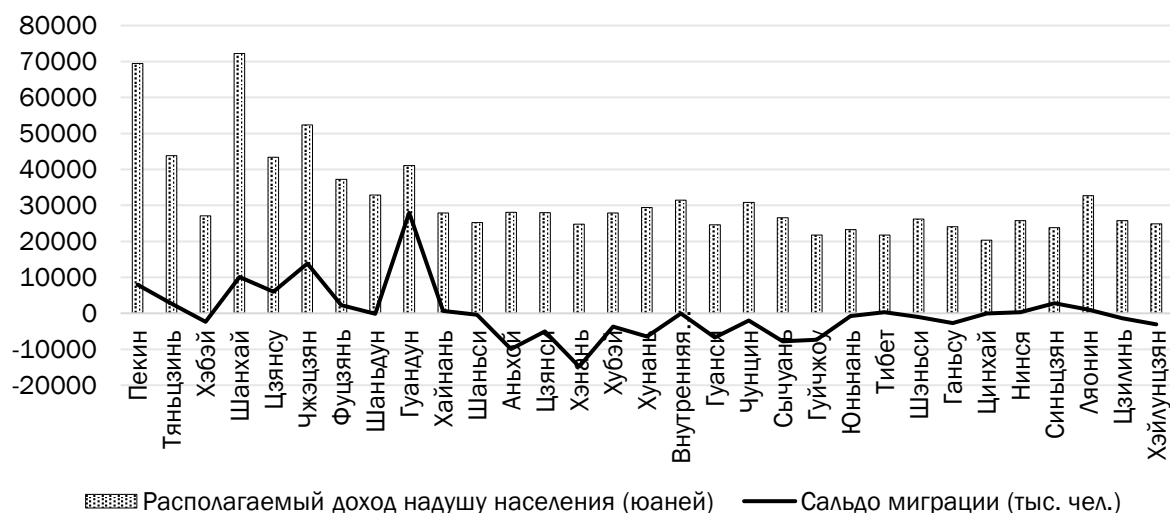

Рис. Располагаемый доход на душу населения и сальдо миграции в административные единицы Китая провинциального уровня в 2020 г.*

* Составлено по:国家统计局.中国统计年鉴2021/北京:中国统计出版社 [EB/OL]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2021/index.html>, 2021[引用日期: 2024年12月16日] (дата обращения: 12.12.2024).

то же время именно вклад мигрантов поддерживает непрерывное экономическое развитие административных единиц провинциального уровня Восточного региона.

Экономическое развитие Центрального, Западного и Северо-восточного регионов сравнительно ниже, чем Восточного. Центральный, Западный и Северо-Восточный регионы имеют меньше возможностей для трудоустройства населения и более низкий уровень доходов. Лидерами по убытию населения выступают 3 центральные провинции: Хэнань, Аньхой и Хунань, а также 2 западные – Сычуань и Гуанси. Эти территории имеют располагаемый доход на душу населения ниже среднего. Тем не менее в регионах – донорах трудовых ресурсов есть исключения. Так, в Западном регионе привлекательной для мигрантов является автономная область Синьцзян в силу ее многонационального состава населения, приграничного положения и наличия богатой ресурсной базы, в том числе развитого нефтегазового сектора. Являясь важным логистическим узлом инициативы «Один пояс – один путь», она объединила множество портовых городов, что привлекает большое количество людей, занятых в импортно-экспортной торговле, логистике и транспортировке.

Другой привлекательной для мигрантов территорией является автономный район Ти-

бет, который 14 лет назад имел самый низкий доход на душу населения среди административных единиц Китая провинциального уровня. В настоящее время экономика Тибета в силу национальной специфики активно поддерживается государством. Кроме того, он имеет льготы на налоги корпораций и стал излюбленным местом их регистрации. Сегодня в виду низкой базы Тибет имеет самый высокий темп экономического роста. Еще один автономный район – Нинся является многонациональным и также поддерживается государством, что обеспечивает положительное сальдо внутренней миграции.

В Северо-Восточном регионе в силу географического положения, наличия портовой и туристической инфраструктуры, а также высокого уровня промышленного развития привлекательной для мигрантов является провинция Ляонин.

Обсуждение

Мобильность населения и значительная доля «плавающего» населения создают множество социально-экономических проблем на пути устойчивого развития. К наиболее важным из них относятся следующие.

Во-первых, низкий уровень участия мобильного населения в социальном обеспечении, определяемый уровнем развитости тер-

ритории и наличием ограничений в системе «Хукоу». Большинство мигрантов проживает в сельской местности, что обуславливает их более низкий уровень доступа к системе социального обеспечения по сравнению с городским населением.

Во-вторых, работники из числа «плавающего» населения часто работают неофициально и часто подвергаются дискриминации. Например, в случае производственного травматизма они не могут рассчитывать на пособия. Причиной этому является желание работодателя сэкономить на заработной плате и социальных отчислениях [18, с. 84].

В-третьих, остро стоит проблема детей, оставшихся без попечения родителей. По данным исследования, проведенного Центральным научно-исследовательским институтом образования, 56,4% оставшихся без попечения родителей детей живут с матерями или отцами, которые остались дома; 32,2% – с бабушками и дедушками; 4,1% – с другими родственниками; 0,9% – в чужих семьях [19].

В-четвертых, в регионах – донорах трудовых ресурсов имеет место быстрое старение населения, в результате происходит рост коэффициента демографической нагрузки по лицам старше трудоспособного возраста [20, с. 146].

В-пятых, существуют проблемы с жильем и социальной интеграцией мобильного населения. При этом в худшем положении оказывается «плавающее» население, которое часто арендует жилье низкого качества на окраинах городов в маргинальных районах [21; 10].

В-шестых, «плавающее» население часто оказывается отстраненным от влияния на принимаемые решения на муниципальном уровне. Лишь в нескольких городах принята модель политики, ориентированная на гражданские права, которая отвечает целям центральной политики и способствует продвижению прав трудящихся-мигрантов [22].

Заключение

Исследование показало, что урбанизация в Китае идет ускоренными темпами. Важная роль в этом процессе отводится реформированию системы «Хукоу». Однако ее частичное сохранение сдерживает урбанистические

процессы, ограничивая мобильность населения и перспективы устойчивого развития территорий.

На основе данных последней национальной переписи населения выявлена сильная корреляция между уровнем мобильности населения и уровнем располагаемого дохода на душу населения в административных единицах Китая провинциального уровня. Тем не менее установлено, что экономические факторы не являются единственными, оказывающими влияние на внутреннюю миграцию населения. Такие факторы, как система «Хукоу», миграционная политика муниципалитетов, социальное обеспечение, объем и качество государственных услуг, экологические условия, также оказывают влияние на миграционное поведение населения. Частичное сохранение системы «Хукоу» создает феномен «плавающего» населения, которое ограничено в правах, и обуславливает множество социально-экономических проблем на пути устойчивого развития территорий.

Сделан вывод, что внутренняя миграция населения Китая способствует выравниванию уровня экономического развития и условий устойчивого экономического роста. Для усиления данного эффекта требуется отказ от системы «Хукоу» с одновременным развитием стимулов для повышения экономической активности в регионах – донорах трудовых ресурсов. Отмечая вклад мобильности населения Китая в устойчивое развитие, мы соглашались с П.М. Мозиасом, что высокий темп урбанизации в Китае способствовал снижению неравенства населения, сокращению бедности в сельских поселениях [23, с. 153]. Также мы согласны с тезисом Ван Лили о необходимости ускорения реформы системы «Хукоу» [24, с. 236] для более эффективного распределения ресурсов территорий.

Дальнейшие исследования должны учитывать комплекс факторов, которые наряду с экономическими условиями оказывают влияние на внутреннюю мобильность населения, чтобы получить более полное представление о мотивах и особенностях миграционного поведения. Кроме того, модели миграции в различных регионах и группах населения могут отличаться друг от друга, и поэтому тщательный ре-

гиональный и групповой анализ имеет решающее значение для разработки эффективного городского планирования и формирования миграционной политики.

Список источников

1. Ma L., Tang Y. Geography, trade, and internal migration in China // Journal of Urban Economics. 2020. Vol. 115. doi:10.1016/j.jue.2019.06.004.
2. 杜小敏, 陈建宝. 人口迁移与流动对我国各地区经济影响的实证分析 // 人口研究. 2010. Vol. 3. Pp. 77–87.
3. 王智勇. 流动人口与经济发展—基于地级市数据的研究 // 现代城市研究. 2013. Vol. 28 (03). Pp. 12–20.
4. Hukou reform and the "luohu" of rural migrants in urban China / M. Tian, Q. Xu, Z. Li, Y. Yu // Sustainability. 2022. Vol. 14, No. 23. doi:10.3390/su142315683.
5. Понкратова Л.А., Тракова Е.В. Миграционная политика в КНР и ее роль в формировании человеческого капитала // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 3. С. 411–427. doi:10.18334/ce.12.3.38921.
6. 段成荣, 杨舸. 我国流动人口的流入地分布变动趋势研究 // 人口研究. 2009. No. 6. Pp. 1–12.
7. Красова Е.В., Инсинь М. Внутренняя трудовая миграция в современном Китае: условия, тенденции, проблемы // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4 (31). С. 16–21. doi:10.18323/2221-5689-2017-4-16-21.
8. 第七次全国人口普查结果公报__中国政府网. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm (дата обращения: 10.12.2024).
9. 常住人口和流动人口如何区分. URL: https://www.stats.gov.cn/zs/tjws/tjbz/202301/t20230101_1903796.html (дата обращения: 10.12.2024).
10. 杜小敏, 陈建宝. 人口迁移与流动对我国各地区经济影响的实证分析 // 人口研究. 2010. Vol. 3. Pp. 77–87.
11. Устойчивые города и населенные пункты / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/sustainable-cities-and-human-settlements> (дата обращения: 10.12.2024).
12. 陈丙欣, 叶裕民. 中国流动人口的主要特征及对中国城市化的影响 // 城市问题. 2013. Vol. 3. Pp. 2–8.
13. Du Xiaomin C.J. Empirical analysis on impacts of migration with and without hukou change on China's provincial economy // Population Research. 2010. Vol. 34, No. 3.
14. Hung J. Hukou system influencing the structural, institutional inequalities in China: the multifaceted disadvantages rural hukou holders face // Social Sciences. 2022. Vol. 11, №. 5. doi:10.3390/socsci11050194.
15. Ван Ц. История миграции в Северо-Восточном Китае в XX–XXI вв. // Социодинамика. 2024. № 6. С. 103–122. doi:10.25136/2409-7144.2024.6.71049.
16. 薛希鹏. 中国流动人口特征及其对城市发展的影响 // 现代物业 (中旬刊). 2011. Vol. 10, No. 12. Pp. 147–149.
17. Influence factors on settlement intention for floating population in urban area: a China study / S. Tan, Y. Li, Y. Song [et al.] // Quality & Quantity. 2017. Vol. 51. Pp. 147–176. doi:10.1007/s11135-015-0299-5.
18. 闫彩旭. 我国流动人口社会保障的现状、问题及对策研究 // 人文之友. 2019. Vol. 18. Pp. 84–85.
19. 对留守儿童问题的研究综述 / 叶敬忠 [et al.] // 农业经济问题. 2005. Vol. 10. Pp. 73–78. doi:10.3969/j.issn.1000-6389.2005.10.015.
20. Маслов А.А. Динамика внутренней миграции и проблема развития северо-восточных регионов Китая в 2010–2020 годах // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 135–150. doi:10.19181/population.2021.24.3.11.
21. 陈星宇. 流动人口住房问题研究: 基于文献的视角 // 经济师. 2021. Vol. 8. Pp. 10–12.

22. 刘旭阳. 容纳中国流动人口: 农民工住房政策的地方差异及影响因素—基于97个城市农民工住房政策的实证研究 // 农村经济. 2023. Vol. 10. Pp. 104–113.

23. Мозиас П.М. Урбанизация в Китае: прошлое и настоящее // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 121–155. doi:10.31249/RVA/2022.01.08.

24. Ван Л. Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2020. Т. 26, № 2. С. 226–238. doi:10.24290/1029-3736-2020-26-2-226-238.

References

1. Ma L., Tang Y. Geography, trade, and internal migration in China // Journal of Urban Economics. 2020. Vol. 115. doi:10.1016/j.jue.2019.06.004.

2. Du Xiaomin, Chen Jianbao. An empirical analysis of the impact of population migration and mobility on the economy of various regions in my country // Population Research. 2010. Vol. 3. Pp. 77–87.

3. Wang Zhiyong. Floating population and economic development: a study based on prefecture-level city data // Modern Urban Studies. 2013. Vol. 28 (03). Pp. 12–20.

4. Hukou reform and the "luohu" of rural migrants in urban China / M. Tian, Q. Xu, Z. Li, Y. Yu // Sustainability. 2022. Vol. 14, No. 23. doi:10.3390/su142315683.

5. Ponkratova L.A., Trakova E.V. Migration policy in the PRC and its role in the formation of human capital // Creative Economy. 2018. Vol. 12, No. 3. Pp. 411–427. doi:10.18334/ce.12.3.38921.

6. Duan Chengrong, Yang Ge. Research on the changing trend of the distribution of floating population in my country // Population Research. 2009. No. 6. Pp. 1–12.

7. Krasova E.V., Insin M. Internal labor migration in modern China: conditions, trends, problems // Vector of science TSU. Series: Economics and management. 2017. No. 4 (31). Pp. 16–21. doi:10.18323/2221-5689-2017-4-16-21.

8. Communique on the Results of the Seventh National Population Census. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-05/13/content_5606149.htm (date of access: 10.12.2024).

9. How to distinguish the permanent population and floating population. URL: https://www.stats.gov.cn/zs/tjws/tjbz/202301/t20230101_1903796.html (date of access: 10.12.2024).

10. Du Xiaomin, Chen Jianbao. Empirical analysis of the impact of migration and population mobility on the economy of different regions of my country // Demographic Studies. 2010. Vol. 3. Pp. 77–87.

11. Sustainable cities and human settlements / United Nations Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/sustainable-cities-and-human-settlements> (date of access: 10.12.2024).

12. Chen Bingxin, Ye Yumin. The main characteristics of China's floating population and its impact on China's urbanization // Urban Issues. 2013. Vol. 3. Pp. 2–8.

13. Du Xiaomin C.J. Empirical analysis on impacts of migration with and without hukou change on China's provincial economy // Population Research. 2010. Vol. 34, No. 3.

14. Hung J. Hukou system influencing the structural, institutional inequalities in China: the multifaceted disadvantages rural hukou holders face // Social Sciences. 2022. Vol. 11, №. 5. doi:10.3390/socsci11050194.

15. Wang Q. History of migration in Northeast China in the 20th–21st centuries // Sociodynamics. 2024. No. 6. Pp. 103–122. doi:10.25136/2409-7144.2024.6.71049.

16. Xue Xipeng. Characteristics of China's floating population and its impact on urban development // Modern Property (Mid-term issue). 2011. Vol. 10. No. 12. Pp. 147–149.

17. Influence factors on settlement intention for floating population in urban area: a China study / S. Tan, Y. Li, Y. Song [et al.] // Quality & Quantity. 2017. Vol. 51. Pp. 147–176. doi:10.1007/s11135-015-0299-5.

18. Yan Caixia. Research on the status quo, problems and countermeasures of social security of the floating population in China // Friends of Humanities. 2019. Vol. 18. Pp. 84–85.

19. A review of research on left-behind children / Ye Jingzhong [et al.] // Agricultural Economic Issues. 2005. Vol. 10. Pp. 73–78. doi:10.3969/j.issn.1000-6389.2005.10.015.

20. Maslov A.A. Dynamics of internal migration and the problem of development of the northeastern regions of China in 2010–2020 // Population. 2021. Vol. 24, No. 3. Pp. 135–150. doi:10.19181/population.2021.24.3.11.

21. Chen Xingyu. Research on the housing issue of floating population: a literature-based perspective // *Economist*. 2021. Vol. 8. Pp. 10–12.
22. Liu Xuyang. Accommodating China's migrant population: local differences and influencing factors of migrant workers' housing policies – an empirical study based on 97 cities' migrant workers' housing policies // *Rural Economy*. 2023. Vol. 10. Pp. 104–113.
23. Mozias P.M. Urbanization in China: past and present // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 9, Oriental and African Studies*. 2022. No. 1. Pp. 121–155. doi:10.31249/RVA/2022.01.08.
24. Wang L. Ways and forms of improving peasant migration to cities in China // *Bulletin of Moscow University. Ser. 18, Sociology and Political Science*. 2020. Vol. 26, No. 2. Pp. 226–238. doi:10.24290/1029-3736-2020-26-2-226-238.

Информация об авторах

Алаи Еэрлань – аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;

Е.Б. Бедрина – кандидат экономических наук, доцент, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Information about the authors

Alai Eerlan – postgraduate student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

E.B. Bedrina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 05.06.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 05.06.2025.